

дети чувственныма очима» (л. 16). Следовательно, согласно Владимирову получается, что общение с божеством осуществляется только через видимые формы природы. Фактически он отрицает традиционное различие сущности и явления внутри самой духовной субстанции, характерное для православия и допускающее существование особого духовного, мистического опыта. Чрезвычайная, на первый взгляд, спиритуалистичность Владимиров по существу рационалистична. Поэтому «первообраз» он понимает как соответствие реальному, исторически достоверному факту. Здесь уже не остается никакого места для символики. Очевидно, рационализм этот шел от все шире проникавших на Русь иностранцев-протестантов, которым у нас отдавали предпочтение перед католиками, как более «безопасными» для православия.

В качестве конкретного примера, поясняющего понятие первообраза в его отношении к образу, Владимиров приводит сказание о нерукотворном Спасе, который, по его мнению, неизбежно был «живоподобным» изображением. Такое изображение, по словам Владимиров, имеется в Риме (л. 58). Он имеет в виду, вероятно, изображения нерукотворного Спаса католического происхождения, которые в это время были известны на Руси и которым он, по-видимому, подражал в созданной им самим гравюре нерукотворного Спаса.⁴¹ Значение, которое Владимиров придавал «живоподобию» нерукотворного Спаса, нашло свое отражение в знаменитых «Спасах» Симона Ушакова.⁴²

Новое истолкование понятия первообраза ведет к новым представлениям о задачах живописи. Образ должен быть полностью подобен первообразу «и телесных того в особстве и доблести исполнен» (л. 56 об.). В основу искусства кладется принцип подражательности, который требует богатства и разнообразия форм, но вместе с тем заключает художника в столь строгие рамки, которых не знало древнерусское искусство до сих пор. Поскольку наши художники еще не знали понятия художественной фантазии, то «живоподобие» превращается в копию, в механическое повторение, к которому приближается изображение Спасов у Ушакова. Эти Спасы лишены всякой внутренней теплоты, похожи на мертвые гипсовые маски-слепки и по образу имеют близкие точки соприкосновения с высказываниями Владимиров об изображении внешнего подобия. И Ушаков, и Владимиров культивировали одни и те же представления о художественном образе — как о воспроизведении лишь внешних, несколько идеализированных форм.

В соответствии с новыми понятиями о живописи Владимиров иначе, чем прежние художники, судит о значении надписи на иконе. По представлениям прежней эстетики, надпись выражает первообраз в не меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем живопись. Без надписи не может быть иконы, так как почитание равно относится и к образу, и к имени. «И на иконах напишем Ис Христос, а не Аполона или Дия... — указывает архидьякон Евстафий. — Такожъ и всех святых угодников имена описуем, возводим ум нашъ, ревнуючи добраго жития их...»;⁴³ «Темже мы пред образом Христовым о имени его святом поклоняемся, и яко апостол глаголетъ: „Да о имени Исусови всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних“» (2-я редакция: «А так мы пред образом Христовым к титулу Его святому глядячи, имени его Исус Хри-

⁴¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, т. II. М., 1910, стр. 53.

⁴² Один из них написан в 1658 г для церкви Троицы в Никитниках (находится в ГТГ, инв № 28601).

⁴³ Евстафий, архидьякон. Списание против люторов. ., стлб. 51.